

Бывало, еще с вечера Олег уламливался со мной:

— Мама, разбудишь меня до восхода солнца?

— А что ж, разбужу.

На следующий день мы отправляемся в дорогу. Заспанный мальчик старался быть бодрым и не обращать внимания на утренний холод.

Когда всходило солнце, мы уже были за селением, в степи.

С первыми лучами солнца на землю падал густой белый туман. Этот донецкий туман никак не был похож на туман полтавских или киевских степей. Тот — серый и тяжелый, оставляющий после себя густую росу, а здесь туман был белый, даже слегка голубой, сухой, без единой росинки.

Казалось, будто перед тобой безграничное море, с валами белых волн, набегающих одна на другую, — море, из которого высятся вершины терриконов и копров, похожие на плавающие корабли. Олег не отрывал глаз от необыкновенного вида.

Когда солнце поднималось, туман оседал ниже, стлался только по оврагам и низинам, а затем пропадал совершенно.

Тогда перед нами открывался пышный степной простор с бесчисленным количеством полевых цветов, каких я даже и не знала.

В такие минуты Олег забывал, что он уже большой мальчик, и бегал от цветка к цветку, рвал их, собирал в огромные букеты: один — для детского сада, другой — для бабушки.

Уже в первый год нашей жизни в Краснодоне мы начали озеленять и приводить в порядок наш двор.

Весной, рано утром, мы выходили копать грядки для огорода и цветочных клумб. Бабушка сеяла нефорошь — веселое декоративное растение. Олег с дядей Николаем посадили фруктовые деревья, кусты сирени и роз.

Я с раннего возраста прививала сыну уважение ко вся-